

Н. С. Соханская

Из провинциальной галереи портретов

Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / Сост., и примеч. В. В. Ученова.-- М.: Современник, 1986.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Так жила Анна Гавриловна у государя своего батюшки, когда неожиданно с нею случилось маленькое обстоятельство такого рода.

На светлых праздниках, под качелями, барышни пели весенние песни, *пашеньку пахали и просо сеяли*, разумеется, в приличных костюмах, и им помогали добрые молодцы в зеленых и синих кафтанах; полы, подбитые красною шелковою обьярью¹, у кого были обе отворочены и заткнуты за пояс, у кого одна пола поднята на колено, а черная шляпа сдвинута на ухо. Сомкнулся хоровод, и после многих других песен запели в хороводе вот эту:

Я по сеньюшкам хожу, млада хожу;
Сквозь стеколушко на милого гляжу.
Мой милый друг и хорош, и пригож;
Душа моя, чернобров, черноглаз.
Я не знаю, к чему друга применить?
Применю друга к золотому перстеньку;
Золот перстень на руке, на руке,
Мой милый друг на уме, на уме.

У Анны Гавриловны как-то странно занемела эта песня на губах. Когда другие пели, она без песни двигалась в хороводе и молодые глаза, неведомо ей, приковались к одному молодцу, который был и хорош, и пригож, и уж именно чернобров и черноглаз. Песня лилась, как звонкая, заливающая душу струя, а Анна Гавриловна все смотрела, а вечерняя заря все больше румянела на ее щеках. Случилось странным ненароком, когда разносились слова песни:

Золот перстень на руке, на руке,
Мой милый друг на уме, на уме...--

молодые глаза Анны Гавриловны до того задумались и засмотрелись, что тот удалой добрый молодец, на кого глядели они, снял свою черную шляпу и, будто бы пускаясь в пляску, низко поклонился молодым глазам. Анна Гавриловна ахнула и убежала из хоровода.

Молодец этот был Марк Петрович Ш***, с пеленок записанный сержантом на службу и служивший капитаном в гвардии, живя у себя в деревне.

Но небольшому обстоятельству с молодыми глазами Анны Гавриловны не суждено было окончиться так. Прошла ли полная неделя или не прошла она после того хоровода, как вдруг совершенно неожиданно, под вечер, вбегает лакей со двора и, даже минуя Комариную Силу {Прозвище любимого наперсника хозяина дома Гаврилы Михайловича.-- *Прим. сост.*}, докладывает Гавриле Михайловичу, что ее превосходительство матушка генеральша жалуют. "Гм!" -- произнес Гаврила Михайлович, выражавший так иногда свое довольство, а иногда и недовольство. (Матушка сестрица-генеральша жила за семьдесят с лишком верст.) Подождав, пока ее карета с резными золочеными тюльпанами на кузове и запряженная осьмериком выровнялась и остановилась под крыльцом,-- "стала", доложил Комариная Сила.

Гаврила Михайлович встал, подтянул несколько спущенный пояс на шлафроке и, шаркая своими туфлями, отправился навстречу неожиданному приезду матушки сестрицы-генеральши. Уже весь дом с Анной Гавриловною во главе -- няня, комнатные девушки, гости и пожилые,-- столпившись в зале, готовились принять почетную нежданную гостью, когда Гаврила Михайлович, своим появлением раздвигая толпу, принял сестрицу-генеральшу на пороге залы и тут же они сначала родственно обнялись и поцеловались трижды, а потом Гаврила Михайлович поцеловал ручку матушки сестрицы, а она назвала его: "Свет мой, сударь братец!" "Тьфу ты, пропасть! -- ворчала няня.-- Мал дом им. Нашли место: на пороге целуются! Тут-то быть добру". По понятиям няни, да и всех старых людей, целованье и обниманье